

УДК 82.0; 801.6; 82.1/-9

МЕЖЛИТЕРАТУРНЫЙ ДИАЛОГ КАК ПОНЯТИЕ КОМПРАТИВИСТИКИ

© В.Р.Аmineва

В литературоведческую компаративистику вводится понятие межлитературного диалога. Устанавливаются типы диалогических отношений между русской литературой XIX века и татарской прозой первой трети XX века, которые оказываются существенными для представления о каждой из литератур как о сложно построенной и внутренне связанной целостности, а также о формах межлитературного процесса.

Ключевые слова: диалог, национальная литература, "свое", "чужое", межлитературный процесс

В работе "К методологии гуманитарных наук" М.М.Бахтин, поставив проблему "контекстов понимания" и разграничив малое время современности и большое время, "близкий" и "далекый" контексты, пишет о нескончаемом обновлении смыслов во все новых контекстах [1: 372.]. В качестве такого "контекста понимания" русской литературы XIX века в нашем исследовании выступает татарская проза первой трети XX столетия, остающаяся вне текстов русских писателей, но являющаяся своеобразным диалогизирующим фоном их восприятия. Принципиально иная ситуация складывается в татарской литературе указанного периода: русская классика XIX века осознается ею как такой же "полноправный субъект", реальный и конкретный "Другой" (по терминологии М.М.Бахтина), участвующий в концептуализации своего слова о мире и человеке. Высказывание строится не как целое одного сознания, художественного сознания данной национальной литературы, а как диалог, в данном случае содержательно и структурно обязательный, разных равноправных сознаний, осуществляемый на уровне корпуса текстов, осмысленных как целое.

Диалог литератур создает для каждой из них герменевтическую ситуацию, в которой осуществляется самопознание и происходит понимание Другого. Онтологические и экзистенциально-психологические аспекты понимания как процесса и особого состояния сознания раскрываются в трудах М.М.Бахтина, Х.-Г.Гадамера, П.Рикера и др. М.М.Бахтин подчеркивает, что любой художественный текст существует только в ситуации диалога, точнее, глобального полилога культуры и, следовательно, "всякое понимание есть соотнесение данного текста с другими текстами и переосмысление в новом контексте" [2: 207]. Таким образом, иной текст (контекст) рассматривается как интерпретационный прием,

выявляющий смысл и значение данного текста: в каждом новом контексте "текст – произведение" по-новому раскрывает, актуализирует, углубляет, развивает, поворачивает свой смысл, отвечая на иные вопросы и вопрошая иное сознание.

Масштабную картину "бесконечного и незавершенного диалога" в исследованиях М.М.Бахтина дополняет следующая характеристика смысла: "Смысл потенциально бесконечен, но актуализоваться он может, лишь соприкоснувшись с другим (чужим) смыслом... <...> Каждый раз он должен соприкоснуться с другим смыслом, чтобы раскрыть новые моменты своей бесконечности... <...> Не может быть "смысла в себе" – он существует только для другого смысла, то есть существует только вместе с ним. Не может быть единого (одного) смысла" [1: 350]. Для нас принципиальное значение имеет устанавливаемая М.М.Бахтиным диалогическая структура понимания – обнаружение моментов вопроса и ответа во всякой ситуации проникновения в текст: "Чужая культура только в глазах *другой* культуры раскрывает себя полнее и глубже... <...> Один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом: между ними начинается как бы *диалог*, который преодолевает замкнутость и односторонность этих смыслов, этих культур. Мы ставим чужой культуре новые вопросы, каких она сама себе не ставила, мы ищем в ней ответа на эти наши вопросы, и чужая культура отвечает нам, открывая перед нами новые свои стороны, новые смысловые глубины. Без *своих* вопросов нельзя творчески понять ничего другого и чужого (но, конечно, вопросов серьезных, подлинных). При такой диалогической встрече двух культур они не сливаются и не смешиваются, каждая сохраняет свое единство и открытую целостность, но они взаимно обогащаются" [1: 334-335]. Для М.М.Бахтина "понимание" – это взаи-

мопонимание, имеющее в качестве своей глубинной смысловой установки процесс общения, т.е. понимание текста в его возможности быть не таким, каким он является мне, предполагающее момент самосознания, включение другого сознания и бытия в перипетии моего несовпадения с самим собой.

В работах М.М.Бахтина ("Ответ на вопрос редакции "Нового мира", "Из записей 1970-1971 годов" и др.) высказывается мысль о продуктивности для понимания смысловой глубины произведения дистанции, "внеаходимости", – "пространственной, временной, национальной" [1: 346]. "Творческое понимание не отказывается от себя, от своего места во времени, от своей культуры и ничего не забывает. Великое дело для понимания – это *внеаходимость* понимающего – во времени, в пространстве, в культуре – по отношению к тому, что он хочет творчески понять" [1: 334]. Позиция "внеаходимости" одной литературы по отношению к другой дает возможность иного, нового ее видения, недоступного взгляду "изнутри", позиции самонаблюдения.

В герменевтике Х.-Г.Гадамера понимание является не столько методом, с помощью которого познающее сознание подходит к выбранному им предмету и приводит его к объективному познанию, сколько "смысловым свершением", в котором образуется и осуществляется смысл всех высказываний, происходит непрерывное опосредование прошлого и настоящего. Но понимание, являющееся, как утверждает Х.-Г.Гадамер, фундаментальным принципом человеческого существования, имеет свои границы. Немецкий философ признает справедливым требование поставить себя на место другого, чтобы понять его, но обращает внимание на происходящее при этом разрушение двусторонности отношений "Я" и "Ты". Тот, кто мыслит исторически, т.е. реконструирует исторический горизонт ситуации, не стремясь понять вместе с ней и внутри нее и себя самого, лишь думает, что понимает другого: "В действительности мы принципиально отказываемся от всех попыток найти в предании обязательную и понятную для нас самих истину. Подобное признание инаковости другого, превращающее эту инаковость в предмет объективного познания, есть, таким образом, принципиальная приостановка его притязания на истину" [3: 359].

Осуществление понимания предполагает слияние двух горизонтов – исторического и настоящего, которое "вместе с набрасыванием исторического горизонта тут же производит и его снятие" [3: 363]. Необходимо учитывать дистанцию, временные расстояния, разделяющие культуры, которые нужно понять, и в то же время

включить их в контекст "настоящего". Высший тип герменевтического опыта, по Х.-Г.Гадамеру, означает соответствующую этому слиянию горизонтов понимания принципиальную открытость навстречу другому: "Я должен признать историческое предание в его притязании на то, чтобы быть услышанным, и признать его не в смысле простого признания инаковости прошедшего, но в том смысле, что у него действительно есть, что сказать мне" [3: 425].

П.Рикер предлагает концепцию герменевтического понимания текста как экзистенциального и рефлексивного присвоения его значений, результатом которого становится достижение понимания себя, своего "я": "...всякая интерпретация имеет целью преодолеть удаленность, дистанцию между минувшей культурной эпохой, которой принадлежит текст, и самим интерпретатором. Преодолевая эту дистанцию, становясь современником текста, интерпретатор может присвоить себе смысл: из чужого он делает его собственным, своим; понимая другого, он углубляет самопонимание. Таким образом, явно или неявно, всякая герменевтика выступает пониманием самого себя через понимание другого" [4: 319]. Французский философ настаивает на том, что понимание неразрывно связано с самопониманием, а в качестве сферы самообъяснения человеческого "я" выступает область символов. Залог подлинной интерпретации того или иного явления он видит в единстве двух герменевтик, воспроизводящих дуализм символов, которые имеют два разнонаправленных вектора: один – в сторону архаических образов, другой – к будущему, возможному.

Для понимания механизмов межлитературной коммуникации принципиальное значение имеют идеи М.М.Бахтина о субъекте диалога в Большом времени. Ситуация предельной черты и решения "последних вопросов бытия" выносит наше сознание на грань, в точку встречи различных культур, вовлекает в процедуры экзистенциального, диалогического, "участного" познания. В.С.Библер так комментирует бахтинскую концепцию диалога как формы события двух сознаний в одном: "На грани культур, решая "последние вопросы бытия", человек включает в свое самосознание, в качестве того *другого*, кто видит и слышит меня "со стороны" и который, вместе с тем, является моим "другим Я", насущным и предельно сомневающимся в моем бытии, включает в мое "Я" сознание человека *другой культуры*, абсолютно внеаходимого, иного, с иным смыслом бытия и мышления. И только в таком – за пределами иного для этой культуры – взгляде на мое собственное бытие и на мое сознание

возможно действительно коренное перерешение моей судьбы. Возможен диалог духа, диалог в моем самосознании между субъектами различных культур, между различными трагедиями формирования личности" [5: 54].

Осуществление подобного диалога как возможного и актуального развертывания смысловых отношений предполагает мир "третьего" – "нададресата", создающего то семантическое пространство, во времени и континуальности которого происходит встреча "я" и "другого": "Именно присутствие *третьего* дает возможность непрерывного осуществления диалога. Обладая способностью сохранять внешнюю наличную непроявленность и незадействованность в обмене позициями, *третий* создает целостность высказывания и устанавливает его диалогичность, как бы возвышаясь в своей субстанциальности над его участниками" [6: 336].

Понятие "третьего" в трудах М.М.Бахтина и его последователей определяется как особая субстанция "бытия – понимания", в отношении к которой конкретные диалоги предстают ее синергетическими проекциями: "Субстанциальность *третьего* может быть понята <...> как принципиальное вместилище всех возможных в прошлом, настоящем и будущем встреч и смыслов, причем это субстанциональность особенного рода – рода *активности* и *энергетики*, а не протяженности и фиксированности" [6: 338]. Субстанциальность "третьего" А.А.Грякалов пытается раскрыть, обращаясь к принципиальным вопросам философии, прежде всего, философии встречи: "Не имеющий своего определенного топоса *третий* каждый раз заново обретает его в конкретных встречах-диалогах, давая тем самым возможность осуществиться бытийно-диалогической непрерывности" [6: 337-338]. И далее: "Мир *третьего* – не случаен. Он необходим, и не допускает смещения "я" и "другого". <...> Территория пребывания *третьего* – территория встречи. *Мета-физика* встречи именно и представляет единство соотнесенности конкретно-всеобщего религиозного переживания мира, культурного космоса и неповторимого поступка" [6: 343].

Абсолютный нададресат – трансцендентальный субъект, тот, кто в диалоге не участвует, но его понимает, – создает вертикальную модель межлитературной коммуникации, которая может быть уподоблена культурной матрице дерева [6: 300]. Но основанием диалога являются и его участники: в нашем случае татарские писатели вступают в диалог с русской литературой. Таким образом, "третий" спускается из своего "надстояния" и растворяется в позиции автора. На то,

что топология и этого вида диалога не бинарна, неоднократно указывает М.М.Бахтин: "понимание никогда не бывает тавтологией или дублированием, ибо здесь всегда двое и потенциально третий", сам "понимающий неизбежно становится *третьим* в диалоге" [1: 294, 305].

Наблюдения о предпосылках подобного диалога содержатся в рассуждениях Я.Мукаржовского о поэтическом языке как о сложной иерархии смысловых отношений. Теоретик чешского структурализма обращается к проблеме "невыведенного" значения, скрытого за словом, и проводит разграничение между монологической и диалогической речью. Диалогичность и монологичность, с точки зрения ученого, имманентны самому духовному процессу, порождающему языковую манифестацию: "Отношение между "я" и "ты", на котором основан диалог, не нуждается для своей активизации в двух индивидах; для возникновения его достаточно внутреннего напряжения противоречий и неожиданных сдвигов, обусловленных динамикой психической жизни каждого индивидуума. Следовательно, явная и потенциальная диалогичность языковых проявлений коренится в скрытой "диалогичности" процесса духовной жизни" [7: 126].

Понимание становится структурно-содержательным элементом произносимого высказывания и формирует его тотальный смысл. Из особого состояния сознания понимание трансформируется в способ бытия. Вертикальная иерархия дерева сменяется культурной матрицей ризомы, травы, имеющей горизонтальную направленность: "Трава оппонентна дереву, она может быть описана в терминах не унификации, но множественности, не тотальности, но плюральности. <...> Есть различные способы связи точек ризомы, причем они терогенны, множественность точек существует до и помимо всякого возможного порядка и образа мира, различия между ними неэкспансивны, их нельзя адекватно повторить, и, следовательно, между ними происходит диалог" [6: 301].

Представление о читателе как участнике межлитературного процесса формируется трудами теоретиков рецептивной эстетики, структуралистов, герменевтически ориентированных литературоведов, исследовавших позиции адресата художественного высказывания и определивших его функции в эстетической коммуникации. Р. Ингарден вводит понятие интенциональности, объясняющее активный, созидательный характер читательского восприятия, в процессе которого семантически закодированный текст трансформируется в эстетическое произведение. Воспринимающую и конструирующую деятельность чи-

тателя характеризуют термины "конкретизация" и "реконструкция". Р.Ингарден обращает внимание на то, что в "конкретизациях" литературного произведения актуализируются потенциальные элементы значения. "В результате этого эффективное содержание произведения существенным образом обогащается, дополняется, зачастую дифференцируется, иногда приобретает однозначность, а иногда, наоборот, начинает многозначно изменяться и переливаться различными компонентами содержания, не проявляющимися достаточно эффективно в самом произведении" [8: 79]. Понимание, таким образом, оказывается выявлением нового, возможно, неизвестного самому отправителю сообщения, смысла.

Для представителей Констанцской школы рецептивной эстетики Х.Р.Яусса и В.Изера читатель – смыслополагающий субъект, обеспечивающий непрерывность актуализации литературного наследия в исторической традиции. Литературное произведение, по определению Х.Г.Яусса, "не монумент, который монологически открывает свою вечную сущность. Оно, скорее, напоминает партитуру чтения, необходимую для нового читательского резонанса, который высвобождает текст из материи слов, дает ему актуальное здесь-бытие" [9: 58]. Немецкий литературовед предлагает концепцию истории литературы, основанной на рецептивно-эстетическом подходе и имеющей событийный характер. "В этом рецептивно-историческом процессе <...> происходит не только новое усвоение произведений прошлого, но и постоянное опосредование искусства прошлого и настоящего, традиционной значимости и актуального испытания литературы" [9: 57].

В.Изер указывает на три аспекта взаимоотношений между читателем и текстом: антиципацию (предчувствие), ретроспекцию ("раскрытие текста как живого события"), впечатление, вызванное сопоставлением текстуального и жизненного опыта. Читатель, умеющий мыслить в категориях чужой действительности, наделяется способностью создавать из данного текста собственный. Процесс чтения характеризуется стиранием границ между субъектом и объектом, текстом и читателем, "своим" и "чужим", что приводит к конститутивным изменениям в личностной структуре реципиента: "Больше того, чужие мысли могут стать для нас поглощающей темой, только если мы можем к ним приспособиться. Каждый прочитанный нами текст проводит другую границу внутри нашей личности, так что наше подлинное "я" видоизменяется в зависимости от текста. Это неизбежно хотя бы потому, что отношения между чужой темой и под-

линным "я" есть база для понимания чужого" [10: 223].

Креативный, творческий потенциал эстетического восприятия в максимальной степени реализуется в позиции читателя – субъекта диалога литератур. Адресат выступает в качестве конститутивного и конструктивного начала межлитературной коммуникации и обретает опыт глубокой сопричастности миру в его многообразии, динамике, сложности и уникальности. Находясь между говорящими на разных языках, он соединяет разделенных и своим присутствием выводит их из потенциальности в актуальное изменяющееся историческое бытие.

При изучении межлитературного процесса востребован не только экзистенциально-феноменологический подход к проблеме читателя, но и концепция "идеального" реципиента – "элемента эстетической реальности" (Б.О.Корман), позиция которого "запрограммирована" автором. Р.Ингарден полагает, что конструирование эстетического объекта читателем происходит по заданным писателем схеме и логике. А.Прието развивает идеи Р.Ингардена о коммуникативной значимости формы литературного произведения ("форма служит идее или сообщению при установлении контакта с адресатом"): "Но максимальное приближение к смыслу и к порождающему ядру будет достигнуто только путем оценки формы, посредством которой сообщает себя автор" [11: 414]. Далее определяются коммуникативные функции, которые выполняют структура и форма: "В противоположность форме, передающей информацию получателю-адресату (эмотивно, конативно и/или референтивно) в процессе того, как он последовательно читает текст, структура как саморегулирующаяся целостность есть то, что достигает (или может достичь) получателя, когда произведение завершено и получатель поэлементарно восстанавливает для себя эту структуру" [11: 417]. Б.О.Корман демонстрирует процесс формирования субъекта восприятия под влиянием авторской концепции, выражением которой является все произведение в его целостности: "Носитель концепции предполагает читателя, который ее адекватно воспримет, на которого она рассчитана" [12: 209].

Однако "кодовая" запрограммированность текста не только определяет рецептивные траектории, но и требует от читателя активно-творческого реагирования. Ж.Пиаже, исследующий проблемы понимания и интерпретации художественного высказывания в семиотическом аспекте, приходит к выводу, что движущей силой познания, когнитивного акта является не простая "ассоциация" между объектами, а их "ассимиляция"

по определенным схемам, которые присущи субъекту: "Процесс познания невозможен без структуризации, осуществляемой благодаря активности субъекта" [11: 98]. Я.Славинский представляет восприятие произведений как их перекодирование – "попытку перевода из кода, использованного в сообщении, в код, ожидаемый читателем в соответствии с поэтической конвенцией, которая принята и одобрена им в качестве модели" [13: 276]. И.Левый считает, что интерпретация литературного произведения зависит от индивидуального идиолекта читателя. Идиолект трактуется как множество всех прагматических и синтагматических знаков и обозначаемого ими содержания, которыми овладевает данный индивидуум. "Степень понимания произведений читателем равняется ... произведению активного идиолекта автора на пассивный идиолект адресата" [13: 288].

Подобно тому как художественное целое, являющееся инобытием авторского сознания, создает "концепированного" (Б.О.Корман) или "имплицитного" (Ж.Женетт), читателя, так и межлитературный процесс, прежде всего его субъектная архитектура, предполагает постулируемого адресата – "идеальное воспринимающее сознание" (Б.О.Корман), за которым стоит реально существующий социально-исторический и культурно-психологический тип читателя-билингва.

Понятие межлитературного диалога связано с представлением о формах бытия и взаимодействия культур, о способах осуществления художественной коммуникации. Сказанное побуждает охарактеризовать диалог с точки зрения структурно-семиотического подхода как основу всех смыслопорождающих механизмов в семиотическом универсуме. Диалог адресанта и адресата – это процесс, в ходе которого каждый из участников трансформирует другого и сам трансформируется под его воздействием; ситуация, которая "не стирает, а закрепляет, делает значимой индивидуальную специфику участников" [14: 220]; акт сознания и т.д. Ю.М.Лотман описывает присущие диалогическим системам законы. Одним из них является дискретность, объясняющая прогрессирующий универсализм культурных систем. Периоды спада, инертности той или иной структуры являются временем паузы в диалоге, заполненной интенсивным получением информации, приводящей в движение внутренние механизмы текстопорождения "принимающей" стороны. Эти этапы сменяются состоянием "возбуждения", которое сопровождается "энергетическим возрастанием": "система, пришедшая в состояние активности, выделяет энергии гораздо более, чем ее возбудитель, и распространяет свое

воздействие на значительно более обширный регион" [14: 269]. Типологическими чертами культурного диалога являются, по Ю.М.Лотману, попеременная активность передающего и принимаемого и асимметричность отношений диалогического партнерства.

Обращаясь к проблематике сравнительного литературоведения, Ю.М.Лотман ставит вопрос: когда и в каких условиях "чужой" текст необходим для творческого развития "своего", – и называет две побудительные причины, вызывающие интерес к иной культуре: "1) нужно, ибо понятно, знакомо, вписывается в известные мне представления и ценности; 2) нужно, ибо не понятно, не знакомо, не вписывается в известные мне представления и ценности. Первое можно определить как "поиски своего", второе – как "поиски чужого"" [14: 604]. Подчеркивается, что "развитие культуры, как и акт творческого сознания, есть акт обмена и постоянно подразумевает "другого" – партнера в осуществлении этого акта" [14: 610]. Культурное самоопределение, номинация, очерчивание границ субъекта коммуникации и конструирование его контрагента – другого – вызывает к жизни два встречных процесса. С одной стороны, происходит экстернизация созданного собственными усилиями образа "чужого", носителя другого сознания, иначе кодирующего мир и тексты, вовне; с другой – интериоризация внешних культурных структур во внутренний мир данной культуры и установление с нею общего языка [см.: 14: 603-614].

Потребность самоопределения "я" среди "других" реализуется через различные варианты отношений "своего" и "чужого". Из всего многообразия этих отношений между русской литературой XIX века и татарской прозой первой трети XX столетия мы выделили как основные и наиболее значимые следующие их виды: ""свое", противопоставленное "чужому"", ""свое", полемизирующее с "чужим"", ""свое" как переструктурированное "чужое"", ""свое", сходное с "чужим"". Они образуют диалогические системы, репрезентативность которых обеспечивается тем, что в них открыто проявляют себя противоположные тенденции национального культурно-исторического развития – центростремительная и центробежная. Первая "направлена вглубь: на выявление национального своеобразия и всемирно-исторического статуса данной культуры"; вторая – "направлена вширь: на всяческое "размывание" национальной специфики культуры; <...> на выявление общекультурных, общецивилизационных закономерностей ее исторического развития на пути общественного прогресса и радикальных политических преобразований; на

всемерное ускорение социокультурной динамики общества, постоянное обновление и смену традиций (а подчас и их решительную, резкую ломку)" [15: 51].

С одной стороны, татарская культура начала XX века тяготеет к разомкнутости границ. Культурно-цивилизационные процессы имеют в ней, как утверждает Ю.Г.Нигматуллина, экстравертивный характер [16: 126]. Отсюда – активные поиски "своего" в "чужом", превращение его в "свое". Но не менее значима и другая тенденция – стремление сохранить и отстоять свою "индивидуальность" и самобытность, находящая выражение в повороте общественной и литературно-эстетической мысли к проблематике национального самосознания: национальной специфике истории, культуры, характера. О постоянном присутствии в синхронном срезе культуры ее глубинных, уходящих в прошлое пластов свидетельствуют, в частности, коранические образы и мотивы, традиционные символические образы восточной поэзии, "коды памяти", актуализирующие себя в структуре сюжета, концепции характера, принципах типизации.

Д.Ф.Загидуллина доказывает, что в татарской литературе 1906-1908 годов формируется новая картина мира, структурируемая такими оппозициями, как реальное / трансцендентальное; жизнь / смерть, прошлое / настоящее, макрокосмос / микрокосмос, художественное слово / человек, художественное слово / нация, человек / жизнь, природа / человек. Этой модели мира соответствуют новые принципы поэтики: традиционные темы, образы, мотивы обогащаются светским содержанием; приемы, заимствованные из западноевропейских и русской литератур, вступают во взаимодействие с традиционными восточными формами [см.: 17: 2006].

Диалогические связи между национальными литературами характеризуются многослойностью, неоднородностью, многообразием межсубъектных связей, их взаимовлиянием друг на друга, сложными, многогранными, противоречивыми процессами взаимодействия "своего" и "чужого", единством прерывного и непрерывного, регионального, национального и всеобщего, универсального. Диалог культур и литератур формирует новые модели их объединения ("межлитературные синтезы"), учитывающие многообразие художественно-эстетических традиций, и в то же время выявляет потенциал развития национальной идентичности. Ценностно-смысловая неисчерпаемость корреляций "своего" и "чужого", усилия, направленные на понимание другого, иного, особенного, открытость и неза-

вершенность восприятия себя через другого, бытийность становящегося смыслового континуума – актуализируют особый тип компаративистского исследования, в котором усилены моменты контекстуальности, процессуальности и событийности.

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – 424 с.
2. Бахтин М.М. К методологии литературоведения // Контекст. 1974. Литературно-теоретические исследования. – М.: Наука, 1975. – С.203-212.
3. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.
4. Рикер П. Существование и герменевтика // Феномен человека: Антология / Сост., вступ. ст. П.С.Гуревича. – М.: Высш. шк., 1993. – С.307-329.
5. Библер В.С. Диалог. Сознание. Культура (идея культуры в работах М.М.Бахтина) // Одиссей. Человек в истории. 1989. – М.: Наука, 1989. – С.21-59.
6. М.М. Бахтин: pro et contra: Творчество и наследие М.М. Бахтина в контексте мировой культуры: В 2-х т.: антология. – СПб.: РХГИ, 2002. – Т.2. – 711 с.
7. Мукаржовский Я. Структуральная поэтика. – М.: Школа "Языки русской культуры", 1996. – 480 с.
8. Ингарден Р. Исследования по эстетике. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1962. – 572 с.
9. Яусс Х.Р. История литературы как провокация литературоведения/ Предисл. и пер. с нем. Н.Зоркой // Новое литературное обозрение. – 1995. – №12. – С.34-84.
10. Изер В. Процесс чтения: феноменологический подход // Современная литературная теория. Антология / Сост. И.В.Кабанова. – М.: Флинта: Наука, 2004. – С.201-224.
11. Семиотика: Антология / Сост. Ю.С.Степанов. Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. – 702 с.
12. Корман Б.О. Избранные труды. Теория литературы/ Ред.-сост. Е.А.Подшивалова, Н.А.Ремизова, Д.И.Черашняя, В.И.Чулков. – Ижевск: Институт компьютерных исследований, 2006. – 552 с.
13. Структурализм: "за" и "против". Сб. ст. / Под ред. Е.Я.Басина и М.Я.Полякова. – М.: Прогресс, 1975. – 472 с.
14. Лотман Ю.М. Семиосфера. – С.-Пб: "Искусство – СПб", 2001. – 704 с.
15. Кондаков И.В. "Раздвоение единого": (Две линии в развитии русской культуры) // Вопросы литературы. – 1991. – №7. – С.38-83.
16. Нигматуллина Ю.Г. Типы культур и цивилизаций в историческом развитии татарской и русской литератур. – Казань: "Фэн", 1997. – 192 с.
17. Загидуллина Д.Ф. Дөнья сурәте үзгәру: XX йөз башы татар әдәбиятында фәлсәфи әсәрләр: Монография. - Казан: Мәгариф, 2006. – 191 б.

INTERLITERARY DIALOGUE AS A CONCEPT IN COMPARATIVE STUDIES

V.R.Amineva

The concept "interliterary dialogue" is introduced in Comparative Studies. The types of dialogical relations between Russian literature of the second half of the 19th century and Tatar prose of the first third of the 20th century are established. They are important for representation of each of the literatures as a complex and intrinsic integrity and also for defining forms of interliterary process.

Key words: dialogue, national literature, "self", "other's", interliterary process

* * * * *

Аmineва Венера Рудалевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры сопоставительной филологии и межкультурной коммуникации Казанского государственного университета

E-mail: amineva1000@list.ru